

Ханна бежит по снегу, не желая оставаться на кладбище в полном одиночестве. Спина Элеанор мелькает впереди.

— Элеанор, стой! Почему могила твоей матери пуста? Что это значит? — Ханна наконец настигает девушку и, держась за бок, пытается отдышаться.

— Это не имеет значения, — Элеанор резко разворачивается и со злостью смотрит на свою гостью. — Просто... просто оставьте меня в покое! Привести вас сюда — большая ошибка...

— Элеанор, прошу! Я просто хочу помочь!

Девушка стискивает зубы и сжимает кулаки. Ханна невольно делает шаг назад.

— Я не нуждаюсь в вашей помощи. Ясно?! Почему вы не можете понять этого?

— Элеанор... — одними губами произносит Ханна и смотрит на девушку с грустью. Элеанор ничего не отвечает, она опускает голову, и между ними наступает молчание.

— Простите меня, Ханна, — Элеанор нарушает тишину первой. Она выглядит расстроенной. — Все эти секреты... Я не готова поделиться ими с кем-либо. Наверное, никогда не буду готова... Вы тот человек, кто должен меня понимать.

Элеанор разворачивается, чтобы уйти, но Ханна хватается за запястье и притягивает к себе в объятия. Она действительно понимает, как сложно поделиться с кем-то своими переживаниями. И как бы сильно ей не хотелось узнать правду о смерти Элеанор и ее родных, она не решается заговорить об этом снова.

— Ты права, я тебя понимаю. И, может быть, я смогу рассказать тебе, что меня терзает, но не сейчас. У каждого из нас свои раны. Лучше лишний раз не сыпать на них соль.

— Вы думаете, что знаете, что такое боль, но это не так, — Элеанор задирает голову, чтобы заглянуть Ханне в глаза, но девушка на нее совсем не смотрит.

Да, не знаю. Мне не приходилось умирать. Пока что... Но Джонатан... Он меня не отпускает. И мне больно.

Элеанор выскользывает из теплых объятий. Не оборачиваясь, она начинает подъем по ступеням, ведущим к главному входу в Косую усадьбу. А Ханна снова остается одна.

Я не знаю, что за секреты таятся за закрытой дверью, но они разрывают Элеанор на части. Мне нужно собрать все ключи... ради нее и ради меня самой. С этими мыслями Ханна взбегает по лестнице и толкает тяжелую деревянную дверь, которая захлопывается за ее спиной,

защищая от пронизывающего холода. Девушка осматривается, но не находит никаких признаков присутствия Элеанор.

Со стороны лестницы доносится какой-то шум. Ханна поворачивает голову и видит, как Саймон и Кларисса сбегают по ступеням со встревоженными лицами.

— Вот вы где, Ханна! — Кларисса подбегает к девушке и берет ее руки в свои ладони.

— Что вы сказали Элеанор? — интересуется Саймон, остановившийся подле сестры.

Ханна изумленно отшатывается от детей.

— Что? Где она?

— Она заперлась в своей комнате, — Саймон отводит взгляд куда-то в сторону.

— И она выглядела несчастной...

— Похоже, запертые двери становятся ее фишкой, — Ханна невесело улыбается одними лишь уголками губ.

— Ханна, это не смешно! — тут же закипает Кларисса. — Что бы вы там не сказали, должно быть, это сильно ранило ее чувства!

Такой Клариссу девушка еще не видела. Видимо, для всех Уэйверли семья на первом месте. Ханна пристыженно опускает голову и глядит себе под ноги.

— Я не пыталась шутить, просто... — Ханна поднимает голову и заглядывает прямо в глаза рассерженной Клариссе. — Вы двое никогда не задумывались, почему у Элеанор так много правил? — она переводит взгляд на мальчика. — Так много секретов?

— Ну, вроде того... — первым подает голос Саймон, а Кларисса молча стоит рядом. — Она никогда не позволяет нам уходить далеко от дома...

— Или покидать комнаты после наступления темноты, — добавляет сестра. Она быстро остыла. Теперь в ее взгляде нет недовольства, только печаль.

— Или задавать вопросы про маму или папу, — продолжает Саймон, и Ханна понимает, что этим детям пришлось не легко. — И почему мы никогда не видим других наших родственников, или...

— Довольно, Саймон, — прерывает его Кларисса. — Мы понимаем, к чему вы клоните, Ханна...

— Хорошо. Тогда вы должны понимать, зачем мне нужен ключ Томаса. Мне нужно узнать, что скрывается за той дверью.

— Но даже если вы убедите Томаса, в чем я сомневаюсь, вам все равно нужно будет каким-то образом заполучить ключ Элеанор!

Кларисса сомневается. Думает, что эта затея обречена на провал. Ханна и сама начинает сомневаться, но не позволяет тревогам захватить разум, потому что ей нужны все четыре ключа.

— Сейчас не время для беспокойства, — произносит она, стараясь убедить в этом саму себя. — Кто-нибудь из вас видел Томаса?

— Нет... — Саймон смотрит на Ханну с восторженным беспокойством. Наверное, тоже сомневается в успехе, но все же не теряет надежды и желания узнать правду, — но я слышу его! Он играет на пианино в гостиной!

— Не лучшее время, чтобы беспокоить его, — предупреждает Кларисса, замечая целеустремленный взгляд Ханны. — Он не очень разговорчив и в более подходящее время, но когда он играет...

— Однажды, — вклинивается Саймон, — я попросил его поиграть со мной, когда он сидел за пианино, а он запер меня в кладовке на целых пять минут! Я чуть не умер от голода!

Ханна с трудом сдерживает смех. Эти дети такие забавные!

— Ну, на такой риск я готова пойти...

Девушка оставляет Клариссу и Саймона в фойе. Когда она входит в гостиную, то находит Томаса, играющего дивную мелодию. Ханна прячется за углом, ожидая, когда мальчик закончит. Затем он берет неверный аккорд, и диссонансные ноты выбивают его из пьесы.

— Черт! Дурацкая песня, — ругается он, опуская голову на руки, — я никогда не разучу ее!

Ханна неловко откашливается, и Томас поворачивается к ней лицом.

— Чего ты хочешь? — резко спрашивает он. Ханна удивленно моргает. После вежливых обращений Элеанор, Саймона и Клариссы такой грубый тон выбивает ее из колеи.

— Что это за мелодия?

— Какое это имеет значение? Я все равно не способен ее сыграть...

— Почему?

— Потому что она написана для дуэта, а единственный человек в этой семье, кто мог играть что-то стоящее ушел на войну несколько лет назад.

Ханна слушает его вполуха. Она просто не ожидает ничего хорошего от рассерженного мальчишки. А ведь она просто вошла в комнату и попыталась завести разговор, когда Томас снова начал злиться ни с того ни с сего.

— Ты имеешь в виду свою маму? — рассеянно спрашивает девушка. Все ее мысли заняты пустой могилой на семейном кладбище Уэйверли и загадочной дверью.

— Нет! — лицо Томаса багровеет. — Очевидно, что я говорю о своем отце.

Мальчик разворачивается обратно к пианино, его плечи опускаются. Упс, кажется, я только что усугубила ситуацию. Ханна поджимает губы. Не ожидала от себя такую глупость. Ханна, ты идиотка. Волну самобичевания прерывает голос Томаса:

— Мы только начали разучивать эту часть, когда его призвали... И он до сих пор не вернулся.

На последних словах Томас резко меняется в лице. Он выглядит подавленным. Ханна садится на скамью рядом с мальчиком, и он отшатывается от нее.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь сыграть с тобой, Томас, — как ни в чем не бывало отвечает Ханна. — Знаю, я не твой отец и, возможно, не сыграю так же хорошо... Но, по крайней мере, твоя партия будет готова к его возвращению.

Слова даются Ханне удивительно легко. Не говорить же, что Томас тратит время впустую, что он больше никогда не сможет сыграть с отцом.

Мальчик смотрит на нее с подозрением.

— Да что же это такое? Что ты хочешь от меня? Если ты хочешь поговорить со мной о моих чувствах, то можешь сразу же забыть об этом. Мы никогда не станем друзьями.

— Тогда мы не должны говорить, — не глядя на него, отвечает Ханна. Все ее внимание приковано к клавишам. — Мы просто будем играть.

Ханна переводит взгляд на ноты и краем глаза видит, как Томас делает то же самое.

— Хм, ладно, тогда... аккорды которые ты должна сыграть: до минор, соль минор и ля бемоль. Именно в таком порядке. Готова?

Девушка несколько раз повторяет про себя последовательность. Ничего сложного, Ханна. Просто вспомни уроки в музыкальной школе. Да, это было давно, но ты справишься...

— Да, давай начнем с самого начала.

— Замечательно! Сейчас просто играй нужные аккорды, а затем я начну свою партию...

Ханна начинает играть. Все ее внимание сосредоточено на нотах, а пальцы нежно гладят клавиши пианино. Вскоре начинается партия Томаса. У них получается чудесная мелодия. В то время как мальчик сосредоточенно ударяет каждую нужную клавишу, Ханна обеспечивает гармонию, и музыка разливается по гостиной.

Звучит финальная нота, и Ханна облегченно вздыхает. Она ни разу не ошиблась, значит, пальцы еще помнят гладкие клавиши пианино. Ее руки не забыли, как играть. А ведь она так давно не практиковалась.

— Наконец! — радостно восклицает Томас.

— Звучит совсем неплохо, верно? — улыбается Ханна и поворачивается к своему компаньону.

А ведь в его возрасте я так сильно любила играть. Мы с Джонатаном часто играли вместе...

Томас молча закрывает крышку.

— Все еще в плохом настроении?

— Нет, мне уже легче, — Томас с благодарной улыбкой смотрит на девушку. — Полагаю, я должен сказать вам спасибо.

Ханна чувствует, как ее челюсть ползет вниз. Даже этот вредный мальчишка способен на хорошие манеры.

— Думаю, что это было бы уместно, — отвечает она, не давая волю своему удивлению. — Но,

если ты действительно хочешь отблагодарить меня... есть кое-что, в чем мне нужна твоя помощь.

— Ах, теперь все тайное становится явным... Разумеется, у вас был скрытый мотив.

Девушка тяжело вздыхает. Кажется, меня раскрыли.

— Прости, я не хотела обманывать тебя. Я просто... просто не знала, как еще заставить тебя согласиться мне помочь, — на одном дыхании признается Ханна и опускает взгляд в пол. — Но я правда наслаждалась игрой с тобой.

— Ну... по крайней мере, сейчас я способен сыграть эту песню должным образом, когда отец вернется домой. И это все благодаря вам. Так... если вам нужна моя помощь, я помогу.

— Это очень приятно слышать, Томас, — губы Ханны трогает едва заметная улыбка, — потому что мне действительно нужно одолжить твой ключ. Мне нужно узнать, что Элеанор прячет за закрытой дверью.

— Почему вы просто не сказали мне об этом? — искренне удивляется Томас. — Я уже давно хочу узнать то же самое, даже не знаю как долго...

— Серьезно?

— Конечно! Думаете, я не заметил, как много всего Элеанор умалчивает? — Томас вскакивает со скамьи и начинает размахивать руками. — Насколько я помню, эта дверь вообще никуда не ведет... — он присаживается на край скамьи и заглядывает Ханне в лицо, — она просто уходит в подвал.

— Подвал? Seriously?!

— Да. В последний раз, когда я проверял его, там не было ничего, кроме печи.

Сердце девушки начинает бешено стучать. Элеанор не стала бы прятать обычную печь. Значит, в подвале есть что-то, кроме нее. Что-то, что пугает Элеанор. Ханна быстро собирает мысли в кучку и обещает себе, разобраться в этой чертовщине, как только получит последний ключ.

— Ты же не думаешь, что в подвале есть что-то еще? У Элеанор должна быть причина сохранить ту дверь закрытой. И я могу поклясться, что прошлой ночью виде...

Ханна ловит на себе внимательный взгляд Томаса, и понимает, что чуть не сболтнула лишнего.

— Не бери в голову. Ничего такого... Когда последний раз ты на самом деле был в подвале?

Томас сосредоточенно хмурит брови.

— Должно быть, это было очень давно... но это не могло быть так давно... — Ханна смотрит на мальчика с сочувствием. Он пытается вспомнить свою прошлую жизнь, сложить все воспоминания воедино, но девушка знает, что ему это не по силам. — Кажется, я ничего не помню. Почему я не могу вспомнить?

Он выглядит потерянным. Ханне хочется подбодрить его. Должно быть, это ужасно, не знать правду. Но это не мое дело, все это затеяла Элеанор...

— Я не знаю. Прости, Томас. Все, что я могу сейчас сказать, это то, что если ты сможешь мне, то мы докопаемся до правды вместе.

Томас молча достает из кармана своего жилета ключ и протягивает его Ханне.

— Вот, возьмите.

Ханна берет ключ и рассматривает его. Он точно такой же, как и два других, отличие только в имени владельца. Девушка благодарно улыбается и убирает добычу в задний карман джинсов.

— Спасибо, Томас. Обещаю, что все это будет иметь смысл.

— Когда?

— Надеюсь, что скоро.

Как раз в этот момент они слышат внезапный грохот. Двери гостиной распахиваются и Саймон с Клариссой падают на пол.

— Саймон? Кларисса? — Ханна переводит удивленный взгляд с одного на другую. — Что вы двое делаете?

— Только не говорите мне, что вы подслушивали у замочной скважины, — Томас недовольно смотрит на своих брата и сестру.

— Это определенно не то, что мы делали! — Кларисса делает шаг навстречу Томасу, закрывая таким образом Саймона. — Мы просто...

— Проверка двери! — восклицает мальчишка из-за ее спины. Он хватается за ручку и крутит

ее. — Работает!

— Фу, кто-то действительно должен научить тебя лгать лучше, — замечает Томас, с сочувствием глядя на младшего брата.

— Итак, как долго вы двое подслушивали? — в разговор вмешивается Ханна.

— Не очень долго! — тут же отвечает Саймон, глядя на свою гувернантку большими и честными глазами.

— Достаточно долго, чтобы услышать, что из всех людей именно вам удалось убедить Томаса отдать ключ. Я впечатлена.

— Теперь осталась только Элеанор, — Ханна вздыхает, понимая, как трудно будет раздобыть последний ключ.

— Удачи с этим, — Томас выглядит расстроенным. — Элеанор хранит ключ при себе все время, и она никогда так просто с ним не расстанется. Если вы хотите заполучить его, то вам придется украсть.

Ханна подходит к окну гостиной и смотрит на хрустящее снежное поле за стеклом.

— Хмм... — многозначительно произносит она и задумчиво потирает подбородок.

Не думаю, что смогу снять с нее ключ, не привлекая внимания... Но, возможно, Саймон и смогу бы, если остальные будут ее отвлекать. Но я буду чувствовать себя виноватой, если попрошу его сделать это для меня. С другой стороны, я в любой момент могу забрать ключ, когда Элеанор уснет. Это означает предать ее доверие, но я бы сделала это только для того, чтобы помочь ей. И было бы здорово побыть с ней наедине... Но мне нужен ее ключ как можно скорее. Нет времени выжидать подходящего момента, стоит попросить помощи у ребят.

Ханна отворачивается от окна и сталкивается с тремя парами сияющих любопытством глаз. Все это время дети за ее спиной стояли и с нетерпением ждали, что же придумает их необыкновенная гостя.

— Лады, ребят, у меня есть план... но вам он может не понравиться, — она внимательно всматривается в лица трех Уэйверли. Дети напряженно молчат, и тогда девушка решает продолжить. — Я никак не могу просто взять у Элеанор ключ и уйти с ним в закат. Она точно заметит, если я вдруг начну рыться в ее карманах. Но один из вас может это проверить, — она снова окидывает детей внимательным взглядом. Никто и бровью не ведет, все внимательно слушают. — Вы понимаете, к чему я клоню?

— Ах... нет?! — Кларисса растерянно смотрит сначала на Ханну, затем на братьев.

— Она говорит о Саймоне, — догадывается Томас. — Его руки достаточно маленькие, и у Элеанор не появятся подозрения, если он будет вертеться рядом с ней. Она все равно всегда нянчится с ним.

— Это неправда! — кричит Саймон и замахивается на брата своими маленькими кулачками. — И я не вор!

— Я знаю это, Саймон, — Ханна подходит к рассерженному мальчику и кладет свои теплые ладони на его плечи. — Но тебе придется им стать. Только в этот раз.

— Ты мог бы стать прямо как Артфул Доджер, — подбадривает брата Кларисса и широко улыбается.

— Я сделаю это! — вдруг произносит Саймон.

— Оу, я думала, что убедить тебя будет сложнее, — с легкой улыбкой отмечает Ханна.

— Вы просто не знаете Саймона так, как знаем его мы, — Кларисса подходит к брату и гладит его по голове.

— Несколько месяцев после прочтения книги он отзывался только на Доджера, — добавляет Томас.

— Ну, что ж, доверюсь вам. Давайте сделаем это.

Некоторое время спустя Ханна с детьми еще раз прогоняют свой план, прежде чем привести его в действие.

— Хорошо, вот как все будет происходить... Я нахожу Элеанор и говорю ей, что Томас с Саймоном дерутся, — еще раз повторяет Ханна, пытаясь убедить себя, что эта затея не такая уж и бредовая. — Как только я приведу ее вниз, вы двое устройте большой спектакль, споря друг с другом.

— В этой части я назову Саймона малышом, — добавляет Томас и переводит хитрый взгляд на брата.

— А я заплачу, — Саймон отвечает ему таким же хитрым взглядом.

— А поскольку Саймон такой плакса, Элеанор, скорее всего, возьмет его на руки или заключит

в объятия, или что-то в этом роде, — издевается Томас, наслаждаясь тем, как меняется выражение лица Саймона.

— Я же сказал, что я не плакса!

— Тогда Ханна и я будем отвлекать ее, и как только мы подадим сигнал... — вмешивается Кларисса, беспокоясь как бы ссора не началась раньше времени.

— Саймон стащит ключ, — заканчивает Ханна. — Так, мы готовы повернуть все это?

— Пойдите! Каким будет сигнал? — спохватывается Саймон и встревоженно смотрит на остальных.

— Что-нибудь простое, — подает голос Томас, — например «апельсин».

— Но это та-а-ак скучно. Может, возьмем что-нибудь более поэтичное? — на лице Клариссы появляется загадочная улыбка. — Как насчет слова «поединок»?

— Как можно использовать это в предложении? — Ханна удивленно смотрит на Клариссу.

— Вы можете сказать, что Томас и Саймон собираются вступить в поединок в рамках нашего плана.

— Поняла. Пойду посмотрю, смогу ли заставить Элеанор поговорить со мной.

Ханна оставляет Клариссу, Томаса и Саймона в гостиной, а сама отправляется блуждать по усадьбе в поисках Элеанор... Как только она пересекает фойе, замечает Элеанор, смотрящую на нее с лестничной площадки второго этажа.

— Вот ты где! Мы можем поговорить?

— Не думаю, что готова говорить с вами, Ханна. Прошу прощения.

Элеанор разворачивается и уже собирается уйти, но Ханна вновь окликает ее.

— Пожалуйста. Мне правда нужна твоя помощь! Томас и Саймон дерутся и совсем меня не слушают.

Элеанор вздыхает и спускается по ступеням.

— Очень хорошо. Посмотрим, что я смогу сделать, — ее голос звучит подавленно, и она совсем не смотрит на свою гостью.

Ханна отводит Элеанор в гостиную, где их ждет Кларисса.

— Элеанор, слава богу! — восклицает девушка. — Мы не можем заставить этих двоих вести себя прилично!

На другом конце комнаты Томас захватывает Саймона в замок, а тот молотит старшего брата маленькими кулачками.

— Отпусти меня, идиот!

— Замолчи, плакса!

— Я не плакса!

Элеанор замирает на пороге и окидывает братьев строгим взглядом.

— Томас, Саймон, что происходит между вами? Это не красит вас перед нашей гостьей!

Но мальчики ее совсем не слушают, пытаются ударить друг друга побольнее.

— Немедленно прекратите!

Элеанор выглядит рассерженной, и даже Ханне становится не по себе. Томас ослабляет хватку, а Саймон тут же вырывается. Мальчик бежит через всю комнату и цепляется за подол своей спасительницы.

— Томас был груб со мной, — хнычет Саймон, растирая сопли и слезы по подолу сестры.

— Ох, мне так жаль, дорогой, — Элеанор нежно гладит его по голове. — Томас, нам нужно поговорить об этом, — резким тоном произносит она. — Ты больше не будешь придирааться к своему брату. Понятно? Ты довольно взрослый для драк, подобно этой. Вы оба, — вдруг добавляет девушка, глядя на хнычущего Саймона, а потом вновь переводит взгляд на Томаса.

Саймон, готовый стащить ключ, и Кларисса, внимательно наблюдающая за сестрой, бросают на Ханну многозначительные взгляды.

Ханна судорожно перебирает в голове все возможные варианты со словом «поединок». Предложение должно звучать убедительно и при этом понятно. Элеанор не должна ничего

заподозрить.

— Этот поединок должен прекратиться! — выдает Ханна и косится на Элеанор.

— Боже мой, Ханна, я и не знала, что у вас такой большой словарный запас! — девушка со смесью удивления и восхищения смотрит на гостью.

— В школе я была известна тем, что время от времени читала книги, — с улыбкой отвечает Ханна.

— И в этом случае вы абсолютно правы. Драка окончена. И сейчас вы оба побежите в свои комнаты. Ваша маленькая потасовка принесла вам ранний сон.

— Прекрасно... — произносит Томас, опустив взгляд в пол.

Когда мальчики проходят мимо Ханны, направляясь в свои комнаты, Саймон зажимает что-то холодное и металлическое в ее руке. Девушка ловит его самодовольную улыбку и благодарно кивает.

— Пожалуй, я тоже пойду в свою комнату. Я уверена, что вам двоим есть, что обсудить.

— Все в порядке, Кларисса, — Элеанор тут же меняется в лице. — Я буду наверху, если тебе что-нибудь понадобится.

Элеанор стремительно выходит из комнаты, даже не оглянувшись, и Ханна ловит на себе сочувствующий взгляд Клариссы.

— Наверно, она все еще недовольна мной, — Ханна тяжело вздыхает.

— Элеанор может быть капризной, как вы наверняка заметили. Но рано или поздно она придет в себя.

— Надеюсь, ты права... Но в нашем случае все это не так уж и плохо.

Ханна разжимает кулак и смотрит на ключ, который ей передал Саймон.

— Значит, ему все же удалось украсть ключ! Я сомневалась. Вы действительно собираетесь открыть ту дверь?

— Собираюсь. А сейчас я просто подожду, когда Элеанор ляжет спать...

С четырьмя ключами в своем распоряжении Ханна стоит перед запертой дверью. Тени сгущаются вокруг нее в темном коридоре.

Я не знаю, что мне предстоит обнаружить... но ничего хорошего из этого точно не выйдет. Я просто надеюсь, что поступаю правильно.

Ханна вставляет первый ключ в один из замков, и он открывается с тихим щелчком. Один за другим замки падают на пол, пока не остается ни одного. Дверь остается неподвижной и тихой. От яростных шумов прошлой ночи не осталось и следа.

Ладно, Элеанор... Давай посмотрим, что ты скрываешь...

Дверь распахивается, и девушка оказывается на вершине каменной лестницы, ведущей в подвал. На другом конце комнаты в приземистой железной печи тлеют угли, наполняя подвал зловещим красным светом.

Томас был прав... Это действительно обычный подвал. Так почему Элеанор так хотела запереть его? Чего она так боится?

Именно в этот момент Ханна слышит скрежет решетки. Дверь печи распахивается на ржавых петлях.

Что за...

До Ханны доносится плач, такой же, как и прошлой ночью. Приглушенное, истерическое рыдание, которое, кажется, исходит из глубины самой печи... Из красного горла печи появляется костлявая рука, ее костлявые пальцы скребут по каменному полу подвала.

— О господи! — Ханна отшатывается от пугающего нечто.

Затем появляется отвратительный череп с длинными спутанными волосами, затем еще одна рука, пока наконец ужас не вырывается из печи...

— Где мои дети? — хрипит пылающий скелет, и Ханна чувствует, как подкашиваются ее ноги.

Примечания:

Артфул Доджер или Ловкий плут — персонаж романа «Приключения Оливера Твиста».

В оригинале Кларисса предложила использовать слово *топомашу*, что на русский язык переводится как дуэль или поединок. Так как для русского человека это вполне обычные и понятные слова, пришлось вырезать предложение, в котором Кларисса объясняет значение слова. Так что Ханна на самом деле не глупая, просто слово для английского языка устаревшее.

А вообще, Ханна мастерица на все руки: и моль поймает, и поэму сочинит и на пианино сыграет. Еще бы замки умела взламывать, цены бы ей не было:)

<http://tl.rulate.ru/book/35689/774383>